

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

ОПЫТ НАУКИ
ИЗЯЩНОГО

Александр Иванович Галич

Опыт науки изящного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24915868

Аннотация

«Говорить о науке изящного там, где она нуждается в ясных и твердых началах, и представлять ее, например, под названием эстетики случайным догадкам темного чувства – значит обольщать себя самого и других. Откуда же отдельная наука почерпнет свои основания, как не из общей системы человеческого ведения? Если сию общую систему ведения человеческого назовем философией, то наука изящного или вовсе невозможна, или же возможна только как философия изящного, которая, следовательно, и будет излагать в малом виде предметов определенных то самое, что первая предполагает в большом виде, то есть относительно ко всяким предметам познания...»

Содержание

Предисловие	4
Вступление	11
Науки изящного	15
Изящное, рассматриваемое в его сущности или в идее	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Галич

Опыт науки изящного

Предисловие

Говорить о науке изящного там, где она нуждается в ясных и твердых началах, и представлять ее, например, под названием эстетики случайным догадкам темного чувства — значит обольщать себя самого и других.

Откуда же отдельная наука почерпнет свои основания, как не из общей системы человеческого ведения? Если сию общую систему ведения человеческого назовем философией, то наука изящного или вовсе невозможна, или же возможна только как философия изящного, которая, следовательно, и будет излагать в малом виде предметов определенных то самое, что первая предполагает в большом виде, то есть относительно ко всяким предметам познания.

Но, может быть, даже и не стоит труда отыскать коренные идеи и законы науки, которые и действительно читаем почти в каждой учебной книге на первых страницах, но с которыми не встречаемся уже впоследствии. Тем труднее дать найденным идеям и формам решительное и повсеместное употребление в кругу соответствующих явлений. И однако ж сего требует как практическая верность начал, так и сближение

умозрений с опытом, без чего опять наука невозможна.

Вот три неизбежные задачи, в носильном разрешении коих я по крайней мере искал преимущественной заслуги в глазах соотечественников; но вместе и три точки, с которых прошу смотреть на предлежащий труд. Ибо если он имеет какую-либо цену, то имеет цену только в отношении к прочным началам и к форме науки.

При затейливых оных задачах и предположениях необходимость требовала расширить виды, поверить односторонние и исправить обветшалые теории, поставить всякое учение на том месте, которое должно ему занимать в организме целого, и вообще обуздать произвол законом. Если и здесь можно еще говорить о заслугах, то я приму и подобные подчиненные заслуги тем охотнее на свой счет, чем менее на сем пути подкрепляем был моими руководителями, каковы Шрейбер и Луден, И. Вагнер и Дамбек, Аст и Рикснер, Вендт и Круг, Зольгер и Грубер и другие, хотя каждому из них, с исключением, однако, Эшенбурга, Баттё и Бутервека, одолжен я более или менее касательно материалов и отдельных замечаний, из которых иными позволил себе даже в буквальном подражании воспользоваться там, где однородность давала им место в общих моих соображениях.

Если сделано и столько, то, кажется, для первого опыта сделано довольно. И не знаю, кто, кроме самого автора, имеет право обязывать его к чему-либо большему и значительнейшему, а не к тому, что он сам поставил себе задачею? Но

знаю, что нелепое было бы легкомыслие требовать светского чтения от книжки, в которой начертываются основания строгой науки. По крайней мере изящное изложение основательной теории изящного есть особенное искусство, которое, однако, состоит и поныне в обратном содержании к науке, которое приятным велеречием закрывает существенные недостатки и в котором, наконец, тот наименее мог до сих пор хвалиться удачею, кто более других о том твердил и заботился.

Впрочем, какого бы рода сие искусство ни было, распространять, пояснять и доводить до общего сведения есть вторая и притом не слишком трудная работа, но, разумеется, только тогда, когда и утверждены уже начала, и показан простой метод, который, уважая разборчивость образованного читателя, предоставляет его рассудку истинное удовольствие угадывать то, чего напрасно искал бы в энциклопедическом обозрении главных пунктов, и дополнять то, чего не мог высказать «Опыт». Ибо обработанные науки есть общее, святое дело мыслящего человечества, а обработка теории изящного в особенности представляет столь много любопытных сторон, что истинный талант на каждом шагу находит и случай и побуждение заняться чем-либо таким, что показывало бы не столько досуг его сил, сколько положительную их деятельность, то есть заняться не столько критикой чужих трудов, сколько произведением того, что стоило бы умной критики.

Здесь, где речь коснулась щекотливого пункта, нужным считаю указать прежде всего на оглавление, из коего явствует, что общая часть книжки есть чисто умозрительная, а особенная занимается теорией телесных искусств и поэзии. Почему число судей моих будет, по всей вероятности, еще ограниченнее, нежели число читателей, и судьи сии, приговору коих приятно себя подчинить, суть философы, художники и, наконец, поэты.

Кто ни совестью, ни общественным мнением не утверждён в сих качествах, тот, не вдаваясь в разбирательства о прекрасном, найдет лучшее наслаждение в мирных чувствованиях прекрасной души своей.

В порядке судей предоставил я поэтам последнее место. Сей парадокс имеет свои основания. Ибо как внутренняя природа человека понятна только из сил, законов и форм внешней, так и сущность идеального искусства понятна только из законов и форм художеств. Почему тот совершенно превращает естественный порядок вещей, кто измеряет прекрасное поэзией в тесном смысле. И однако ж гибельный сей предрассудок не перестанет до тех пор подавлять умы, пока наука изящного будет означать не иное что, как теорию изящной словесности, и оставаться уделом литераторов.

Повторяю, приятно подвергать себя приговору званых судей, а и того, разумеется, приятнее иметь их голоса на своей стороне. Но подобные встречи весьма трудны. Всяк счи-

тает себя вправе судить и рядить по-своему, не заботясь о том, что в деле столь важном и столь общем, какова наука, отдельные мнения никуда не годны и что именно здесь едва ли он в состоянии выдержать особенное свое суждение. Ибо от сего последнего требуется: а) чтобы оно обнимало изящное в целости его существа и явлений, чтобы б) состояло в необходимой органической связи со всеми другими учениями и чтобы, наконец, в) на основании его не написана была журнальная статья, а воздвигнуто было прочное здание науки. Это одно и значило бы во всех частях и притом на самом деле опровергнуть главную мысль, коей, как вечному единству в беспредельном разнообразии предметов, я старался неуклонно следовать, то есть мысль об изящном как о чувственно совершенном проявлении значительной истины свободною деятельностью нравственных сил гения. Конечно, здесь берется изящное в высочайшем его значении, так что многие произведения, которые слывут прекрасными, поверяемые сею идеей, должны упасть в цене; но зато другие, которые выдержат проверку, останутся вечными образцами вкуса.

Что же касается до частных недостатков, слабых сторон и погрешностей, то их найдется в «Опыте науки изящного» столько же, как и во всяком другом произведении человеческом, которое никогда не может быть так хорошо, чтобы не могло быть лучше. Самая уже форма строгой науки не есть ли педантизм в глазах того, кто умеет простыми, так оказать,

домашними средствами приобретать все, – даже имя ученого? – краткость не послужит ли поводом к недоразумениям для другого, который приучил себя все, что понятно с первых слов, ставить на счет своей проницательности, а то, что понимается за вторым или третьим приемом, на счет неясности авторовых мыслей? – простое логическое изложение существенных истин, с пожертвованием как примеров, так и правил для красивых мелочей в художествах, а особливо в поэзии, которые не стоят теории, не покажется ли сухим и скучным для третьего, который от всякого, кто пишет об изящном, ожидает по крайней мере дидактической поэмы с приличными подробностями и эпизодами?

Но то справедливо, что если бы я наделен был талантами моих судей, если бы имел обширные сведения в технической части искусств и назначал свой труд для читателей всякого рода, а не для вразумления тех ученых, кои занимаются обработанием теории изящного, и не для любознательных юношей, которые имеют способность совершенствоваться, – я избежал бы весьма многих недостатков, в которых должен теперь, именем опыта, просить извинения. Впрочем, как отыскание слабых сторон в другом не стоит труда, особливо в такой земле, какова Россия, которая, по замечанию одного из сильных писателей, бедна литературой, но богата критикой, то и нечего, говорит Фонтенель, удивляться в таком случае дару видеть одно худое, потому ли, что ценителем замечаемы бывают только некоторые из недостатков, о кото-

рых, равно как и о средствах поправить оные, лучше знает сам автор, и тут мнение первого остается в стороне, или потому, что недостатки бывают замечены всеми, и тут публика отнимает у него славу прозорливости. Словом, читатель или предупреждает его, или с мнением его не соглашается.

Нужно ли спрашивать, зачем такое длинное предисловие к такому короткому тексту? Разумеется, затем, что предварительное объяснение устраняет многие кривые толки и что труд мой не стоит повторительных упоминаний, переговоров, прений. Цель его есть та, чтобы возбудить деятельное соревнование в успехах науки, которая достойна нераздельного участия, которая ни легче, ни труднее всякой другой и которая, однако, утратила до известной степени свою именитость не сама от себя и не столько даже от зложелателей, сколько от немогущего усердия слепых приверженцев. Почему предлагаемый здесь опыт, обращаясь худою стороною, если угодно, к автору, обращается хорошею (если ее имеет) к тем, у которых найдет расположение более благоприятное. А этому расположению бесспорно и одолжены мы появлением наконец «Журнала изящных искусств», от которого теория вправе ожидать самых значительных подкреплений. Кто же чувствует себя в силах сделать что-либо лучше другого, тот сие лучшее сделать и обязан. Я заплатил свой долг науке, пояснив ее начала, обозначив границы и показав способ решить ее задачи.

Вступление

§ 1. Пояснить общие условия и законы, по коим изящное, существуя в ряду прочих предметов окружающего нас мира, занимает место и между явлениями человеческого сознания, то есть в порядке наших мыслей и чувствований, есть задача науки изящного.

§ 2. Возможность разрешить сию задачу основывается а) на врожденном, темном чувстве, которым каждый человек и каждый народ на своем языке различает по крайней мере красивое от безобразного, б) на необходимости идеи изящного, которая не только никогда не теряется в человечестве, подобно всему случайному или произвольному, но имеет еще непосредственное отношение к жизни, и наконец, в) на многих явлениях, как для темного чувства, так и для ясной идеи равно удовлетворительных.

§ 3. Требованиям и условиям, какие предполагаются во всякой совокупности очевидных истин, подвергает себя и наука изящного, которая по сей причине не довольствуется ни историческим исчислением существующих уже произведений, ни простым пояснением и критикою сих произведений, ниже начертанием правил для известного класса оных, например, теории только искусств или даже одной словесно-

сти, а, вводя в сущность своего предмета, то есть изящного, показывает (неизменные начала его во всем том, что подлечит его влиянию).

§ 4. Это необходимо и разделяет науку на две части: на чистую, или общую, и на прикладную. В первой поясняется идея изящного: а) сама в себе или во внутреннем ее составе, б) со стороны сил, коими содержится и приводится в движение, в) в общих ее отношениях к чувственному миру, которыми она изменяется в своих явлениях. Вторая рассматривает изящное в особенных видах искусства.

§ 5. Отсюда явствует, что подобная система изящного не есть а) эстетика, которую, как теорией чувственного познания, изящное, открытое для деятельности благороднейших сил души, приводится в связь только с низшими, страдательными ее способностями, какова чувственность; б) ее не можно назвать и собственно наукою вкуса, если сия последняя оценивает изящное только по его впечатлениям в сердце, то есть рассматривает особенный род сопровождающего оное удовольствия, не касаясь сущности искусства и красоты; в) еще же менее наука изящного есть техника искусства, которая имела бы целью образовать художников и поэтов, ибо творить вообще не есть дело человеческой науки.

§ 6. Но предоставляя сие образование художников и по-

этов первоначальному творческому таланту, изучению вечных законов вещей и тщательному рассматриванию удачных творений искусства и природы, теория принимает на себя только обязанность утвердить неопределенные понятия прекрасного в светлой области человеческого ведения, предохранить оные от искажений и произвольных толков и вообще оживить любовь к идеалам, от коих зависит все великое и благородное в искусствах, науках и в жизни.

§ 7. Наука изящного поздно вошла в состав человеческих познаний. Весьма естественно, но не столько потому, что здесь надлежало много частных опытов, наблюдений, рассеянных замечаний подвести под одну точку; не столько потому, что внутреннее ощущение, к которому будто и относятся ее предметы, по своей природе темнее и таинственнее прочих явлений душевной жизни, каковы, например, мысли и желания, – сколько потому, что обрабатываемая ею идея сама по себе многосложна и предполагает более вещей и условий, нежели какая-либо другая. Таким образом, хотя искусство и красота искони знакомы человеку, однако ж теория оных могла составиться только по усовершенствовании прочих соприкосновенных с нею теорий – истинного и доброго, то есть по усовершенствовании общей науки, с которою она необходимо разделяет и начала и методу.

§ 8. История представляет три периода, кои теория изящ-

ного совершила, а именно:

а) Период простых чувственных наблюдений, в котором красота означала приятную натуральность явления. Так полагали из древних: Аристотель и Гораций; из новых Баттё, Поп, Хоум, Бёрк.

б) Период смысла и логических его соображений. Здесь красоту составляло чувственно познаваемое совершенство, то есть понятие или единства в разнообразии, или множества отношений, или чувствами объемлемой формы соразмерности. Знаменитые мужи сего периода суть: А. Баумгартен, Дидро и Кант с многочисленными последователями.

в) Период полного владычества разума, открытый Платоном, восстановленный Винкельманом и продолженный Лессингом, Гердером, Шлегелями и другими. Здесь слышим о творческой фантазии, о жизни, предполагаемой во всяком изящном произведении, об идеях и об их согласии с формами, о соединении всех потребностей человеческой природы, о красоте как об откровении или отблеске совершеннейшего бытия и проч.

Науки изящного

Часть общая, или

чистая, содержащая в

себе теорию изящного

Изящное, рассматриваемое

в его сущности или в идее

§ 9. Человек есть гражданин двух миров – видимого и невидимого. Первому принадлежит он своею чувственно-органическою стороною, второму – духовно-нравственною, и судит о всяком данном предмете по коренным законам трояких сил своей природы, то есть по законам разума, хотения и чувствования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.